

В. И. Немирович-Данченко

**Под горячим солнцем:
рассказы о Кавказе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Немирович-Данченко**
Под горячим солнцем: рассказы о Кавказе / В. И. Немирович-Данченко – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 226 с.

ISBN 978-5-517-99894-1

ISBN 978-5-517-99894-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.
ВЪ ДАГЕСТАНЪ.

I.

Ночь въ горахъ. — Трагическій влодѣй Магомадъ-Оглы.

Пахпоть съ утра жасминами.

Кажется, дышешь не воздухомъ, а ароматомъ горныхъ цвѣтовъ.

Глазъ устаетъ слѣдить за пзвивами ущелій, за гребнями горъ, за ихъ вершинами, то выступающими серебряными куполами на яркой синевѣ чистаго неба, то пропадающими вдали, чтобы, мигу снустя, опять замерещиться едва различаемыми контурами. Смотришь-смотришь, пока не сдѣлается больно, и долго идешь потомъ, зажмурясь...

Грохоть ручьевъ справа и слѣва... Ручьи впереди, ручьи позади... Точно попалъ въ заколдованное царство текучей воды. Поневогѣ забудешь и неудобный ночлегъ въ горахъ, и недавнюю усталъ, и неудачи на охотѣ за каменными барапами—турами.

Или во мнѣ совершенно нѣтъ вистпиктовъ охотника, или я просто еще не усвоилъ себя всей прелести этой беспощадной травли—не знаю. Только какъ въ Лапландіи мнѣ жаль было бить дикихъ оленей, такъ и здѣсь рука не подымалась цѣлнтъ въ эти красивые силуэты гордыхъ животныхъ, словно наслаждающихся съ высоты своихъ неприступныхъ скалъ громадною панорамою долины и ущелій, раскидывающихся подъ ними внизу. Говорятъ, что туръ по вѣтру не подпуститъ къ себѣ никакого охот-

нива, говорятъ, что, застигнутый врасплохъ, онъ «грозовою внизъ бросается въ пропасть и, ударившись лбомъ о камень, становится на погн»,—не знаю. Охотники—лгуны по принципу, натуралисты имѣютъ слабость вѣрить имъ, ну, и Господь съ ними... Вѣдь, рассказывалъ же мнѣ мой милѣйшій слутникъ, Аду-Ника-Магомадъ-оглы, что жилъ у нихъ въ аулѣ нѣкто Ходжалъ-Махи, умѣвшій привораживать туровъ. Отъ одного взгляда этого дагестанскаго Немврода каменные бараны дѣлались неподвижными и подставляли грудь подъ пулю его ружья. Да и ружье у него было тоже закодванное. Оно само поворачивалось дуломъ въ ту сторону, гдѣ находился туръ. Ходжалъ-Махи только и дѣлалъ, что спускалъ курокъ.

— Ну, а теперь у васъ такихъ охотниковъ нѣтъ?

— Нѣтъ... какъ русскіе пришли, ни одного не осталось. Перевелись всѣ. Теперь только Юнусъ-оглы и ходитъ на туровъ изъ нашего аула. Остальнымъ и дѣла нѣтъ... Молодежь—та тоже портиться начинаетъ.. Недалеко время, когда горные орлы домашними курами станутъ, а мужи, вмѣсто женщинъ, дѣтей рожать начнутъ. А все урусъ!..

И Магомадъ печально покачалъ головою.

— Прежде,—горячо заговорилъ онъ,—у насъ судился народъ по адату или шаріату. Теперь русскіе своихъ судовъ понадѣлали... Тутъ недавно какое дѣло было. Мальчикъ Курбанъ-оглы засталъ мать свою въ полѣ съ Сулейманомъ, сосѣдомъ ихнимъ. Разумѣется, не добрымъ дѣломъ занимались они. Ну, а мальчикъ хорошей крови былъ, не вытерпѣлъ безчестія и убилъ Сулеймана кинжаломъ. Что-жь-бы ты думалъ, вмѣсто того, чтобы оправдать его, какъ было-бы у насъ прежде, русскій судъ заперъ его въ тюрьму!

— А сколько лѣтъ убищѣ?

— Тринадцатый только. Совсѣмъ напрасно пострадалъ; бѣдный!

— Неужели-же прежде у васъ такъ-бы и оставили это дѣло?

— Зачѣмъ такъ! Тоже совѣсть была! Родные Сулеймана стали-бы мстить. Правильно дѣло было-бы—кровь за кровь; молодежь смѣлость и удалство показать-бы могла... А теперь?.. Прежде народъ честь зпалъ, за обиду князю-ломъ расправлялся. Мужи были, а теперь бабами стали. Чуть что—къ пачальству бѣгутъ. Какого еще позора ждать? У насъ здѣсь есть одинъ такой, жепу свою поймалъ въ купацкой съ гостемъ. Что-жъ-бы ты думалъ?— съ ужасомъ обратился ко мнѣ Магома.—Убилъ онъ ихъ?.. Нѣтъ—жепѣ разводъ далъ, а на обольстителя ся, собачій сынъ, пошелъ жаловаться въ судъ. Просто и жить не стоить пынче... Кто говоритъ, всѣ мы въ молодости на эти дѣла ходили. Кровь играетъ, поневолѣ къ сосѣду залѣзешь жепу воровать. А только мы зпали, что голову свою за это песемъ, знали, что если оплошаемъ, такъ и совѣмъ домой не вернемся!..

А почъ, дѣйствительно, вы пала на пашу долю плохал.

Черпоку пастью лежала еще ввечеру передъ нами пещера. Мы забрались туда часа на два, пока не взойдетъ луна. Въ потемнахъ нечего было и думать пускаться на удачу. На первомъ-же поворотѣ тропишки и мы, и лошади свернули бы себѣ головы. Кое-какъ въ глубинѣ грота удалось развести костеръ. У входа темпѣла холодная мгла. Злобно шипя, колыхалось пламя, съ тихимъ свистомъ пробѣгало оно вверхъ по вѣтвямъ сухого орѣшника, и когда между ними попадался корсепъ, узловатый и толстый—спопы золотыхъ искръ падали на черныя плиты. Вверху то клубился дымъ, то багровый отблескъ игралъ на сталактитахъ.

Костеръ погасъ скоро, только, тускло отгорая, еще шипѣли смолистые сучья. Около пещеры фыркали лошади.

— Теперь пора! Поѣдемъ!

Мы встали и вышли.

Высоко горѣли звѣзды въ почпыхъ небесахъ, разливая серебряный свѣтъ. Изъ мрака выступали утесы; вонъ одинъ прямо передъ нами, точно матого-бывал глыба.

Внизу, объятая туманомъ, долина, какъ пропасть, легла. Только какой-то огонекъ на самомъ днѣ ея то вспыхнеть, то замреть...

— Костеръ тоже, — пояснилъ Магома. — Тоже лупы ждутъ!

Вонъ бьется и плещетъ горное озеро, дробится въ огнистыя пещеры. Точно призраки, изъ расщелинъ поззогъ, растутъ и влубится мгlistая тьма.

И вдругъ... Точно багровымъ заревомъ разомъ облило застывшую въ голубомъ блескѣ окрестность. Мѣсяцъ показался за Шайтанъ-горою. Далеко впереди зазвѣлились извилины тропинки, массы горъ опредѣлились. Гдѣ прежде былъ однообразный фогъ, теперь легли отгѣпки ущелий и выступовъ. За пропастью нагѣво, на склопѣ горы, засверкало нѣсколько огоньковъ. Это горный аулъ, еще незаснувшій... Лунный блескъ краснымъ заревомъ легъ на его плоскихъ кровляхъ, обдалъ багровымъ отсвѣтомъ круглую, суживающуюся вверху башню минарета. Новый поворотъ дороги — и опять передъ нами пустынная мѣстность.

И мы тронулись впередъ... Въ убогихъ ущельяхъ насъ охватывала со всѣхъ сторонъ влажная тьма, теплымъ и нѣсколько душнымъ воздухомъ обдавало на скалистыхъ гребняхъ. Приходилось лѣпиться почти по отвѣснымъ скаламъ, ползти вдоль пропасти, такъ-что кони сплошь насаждали на лѣвыя ноги, чуть дотрогиваясь до обрывистаго края тропинки правыми.

Словно черныя пятна на сѣрыхъ утесахъ выдѣлялись гроты. Нѣкоторые изъ нихъ искусственные. Одни высечены троглодитами въ незапамятную старь, другіе — въ позднѣйшія времена жителями окрестныхъ ауловъ, спасавшимися сюда отъ набѣговъ осетинъ валаджарскихъ. Какую эффектную картину должны были представлять эти отвѣсныя стѣпы, когда временное населеніе ихъ пещеръ раскладывало по ночамъ огни, когда на высотѣ воздушной свергали эти щелп, какъ пламенные жерла, среди окружающаго мрака и безмолвія, пады обсаждѣв-

шины аулами мирныхъ долинъ. А на вершинахъ горъ одни за другими вспыхивали зловѣщія костры, разнося далеко за десятки верстъ смутный слухъ объ опасностяхъ осетинскаго набѣга.

Всталъ и зашелъ мѣслицъ. Поблѣднѣли яркія звѣзды. Вершины заагѣли подъ зарею... А мы все еще были на коняхъ.

Все доступное оку сверкало подъ заревыми лучами. На изломахъ утесовъ, въ серебряномъ дождѣ небольшихъ водопадовъ, въ водахъ спокойнаго горнаго озера блистали эти лучи. Огнистая вершина Халта-горы казалась алтаремъ, а вокругъ, какъ цари этого пустыннаго міра, сіяли подъ зарею своими горящими вѣндами утесы и скалы въ безконечную даль уходящаго нагорья. Огненныя моря ми раскинулись на немъ ледники. А сѣрые туманы подъ блескомъ весенняго дня еще клубились въ глубокихъ долинахъ. Сквозь ихъ разорванный покровъ кое-гдѣ зеленѣли сады. Въ одномъ мѣстѣ надъ тучей, точно бирюзовая, голубѣла верхушка мипарета, словно она плавала въ волнахъ этой медленно зыблущейся мглы.

Прелестно начался этотъ веселый день, привѣтствуя насъ, одинокихъ странниковъ, запахомъ жасминовъ и веселымъ говоромъ въ алмазную пыль дробившихся ручьевъ.

Тутъ-то то мой кунакъ и благопріятель Магома печаловался на растлѣніе современныхъ нравовъ въ Дагестанѣ.

— Все-таки прежде хуже жилось!—рискнулъ замѣтить я.

— Почему хуже?

Магома даже приостановился.

— Убіиствъ было много!

— Можетъ быть, ты и хорошій человѣкъ, да урусь. У васъ у всѣхъ руки сильныя, да души воробьиныя. Развѣ мужу подобаетъ крови бояться? Развѣ не весело, когда кругомъ звенятъ шашки и порокомъ пахнетъ? Эхъ, было время!.. Для храбрыхъ людей не пужло было и повода, чтобы поработать кипжаломъ. Вотъ тутъ недалеко случай былъ: изъ-за плети треста человѣкъ зарѣзано.

- Это-же какъ?—невольпо удивился я.

— А такъ, что прежде люди были, а не бабы. Сосѣдъ у сосѣда плетъ взялъ, да забылъ воротить ее. Хозяинъ обругалъ его, онъ схватился за кинжалъ. А въ это время народъ изъ мечети шелъ. Весь аулъ на двѣ партіи раздѣлился. Одни пристали къ хозяину плетя, другіе къ его сосѣду, и пошла «веселая игра». Триста мертвыхъ къ вечеру и подобрали... Было время!..

Я невольно пріостановилъ лошадь, чтобы на случай быть подалѣе отъ этого любителя «веселой игры».

Магома былъ человѣкъ совершенно искривленнѣйшій. Старикъ, нѣкогда непримиримый врагъ русскихъ, одинъ изъ самыхъ неукротимыхъ уздепей Хаджи Мурата, а теперь старшина своего аула, онъ выросъ при такой обстановкѣ, гдѣ кровь не считалась ни во что, а жизнь человѣческая дѣлилась дошове цыпленка. Представьте себѣ худое и длинное лицо, съ длиннымъ, кривообразнымъ носомъ. Сѣдыя космы усовъ и бороды совершенно скрываютъ ротъ, изъ-подъ далеко выдавшихся щетиныхъ бровей неотступно смотрятъ на васъ грозныя очи подавшаго мюрида, сотни разъ встрѣчавшія смерть и, повѣрное, неопускавшіяся передъ нею. Лобъ и щеки въ морщинахъ, и каждая врѣзана глубоко, точно остриемъ кинжала. Сухая грудь, сухія, узловатыя руки. На копѣ сидитъ — точно приросъ къ нему. Какъ будто въ противорѣчіе самому себѣ, тотъ же мюридъ Магома, повѣствующій о прелестяхъ «веселой игры» и предпочитающій запахъ пороха и крови благоуханію жасминовъ, — страстный любитель котятъ. Даже смѣшно было видѣть эту сумрачную, грозную фигуру, этого «трагическаго злодѣя», по-дѣтски забавляющагося съ котятами, которыхъ онъ себѣ укладывалъ и за пазуху, и на шюю. Того же Магома, несмотря на все его величіе, ничуть не боялась аульская дѣтвора. Все это голое, толстобрюхое, но неизмѣнно выбритое потомство при каждой встрѣчѣ съ Магомою непремѣнно потребуетъ отъ него сказки или лабъ-лабы—мѣстнаго лакомства. И трагическій злодѣй возится съ ними, какъ съ котятами!

Судите послѣ того о человѣкѣ. Тотъ-же Магома, ради моего, напрімѣръ, спокойствія, готовъ былъ сложить голову и искрепно обидѣлся, когда я ему предложилъ вознагражденіе. А что я ему, спрашивается? Магома отличается мягкосердечіемъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ, напрімѣръ, если по дорогѣ ползеть какой-нибудь жукъ, трагическій злодѣй непременно объѣдетъ его, чтобы не раздавить подъ копытами лошади. Если гдѣ-нибудь на проулочкѣ аула воеетъ паршивая, голодная собаченка, Магома ее подыметъ, принесетъ домой и накормитъ. Тотъ-же трагическій злодѣй Магома славится своею игрою на чунгурѣ (родъ балалайки съ стальными струнами), на которомъ играютъ посредствомъ гибкой корочки черешневого дерева. Магома сочинялъ сантиментальныя пѣсенки и зачастую плакалъ подъ звуки своей чунгуры. А про того-же сердобольнаго Магому рассказываютъ, напрімѣръ, такой случай. Давно какъ-то случилось ему быть на одной сходкѣ впѣ его аула. Нѣсколько человѣкъ позволили себѣ посмѣяться надъ нимъ и, между прочимъ, памекнули на то, что жену его, Айшу-Мамаатъ-Бизы, видѣли какъ-то съ его двоюроднымъ братомъ въ томъ-же положеніи, въ какомъ историческій рогопосецъ Мепелай засталъ прекрасную Елену съ Парисомъ. Магома затаилъ злобу. Онъ на сходкѣ никому не отвѣтилъ ни слова, но, выѣхавъ изъ аула, пританлся за первую попавшуюся по дорогѣ скалою. Ждать пришлось ему недолго. Одного за другимъ—онъ убилъ неосторожныхъ шутниковъ, вернувшись домой, зарѣзалъ Айшу и въ ту-же ночь покончилъ съ своимъ легкомысленнымъ кузепомъ. Десять лѣтъ послѣ того онъ скитался по Кайтагу, забирался и въ елисейское султанство, — скитался больше по обычаю, чѣмъ избѣгая мести родственниковъ своихъ жертвъ. Наконецъ, во время «замиренія» ему удалось покончить съ «канья» и вернуться домой. Тѣмъ не менѣе, понятно, что жизнь его виситъ на волосѣхъ. Старыя обиды не забыты, и хотя Магома прочиталъ убитымъ молитву «фатиха» и уплатилъ ихъ близкимъ деньги, ему все-таки добромъ не коп-

чить! Магома былъ «тоувадакити», т. е. принялъ присягу не пить опьяняющихъ напитковъ.

Вотъ еще случай для характеристики Магомы—трагического злодѣя.

Къ нему, какъ къ аульному старшинѣ, прѣхалъ «пуберъ» отъ окружнаго начальника для взысканія штрафныхъ денегъ. Собрали на-скоро всѣхъ властей, другого старшину Юсуна, аульнаго «крикуна» (глашатая) Мухаммеда. Явился и аульный писарь—тоже горець. При этомъ, какъ и слѣдуетъ властямъ, заспорили, отъуда начинать, съ южнаго или сѣвернаго конца аула. Старшины, Магома и Юсупъ, спорили истоово, важно. Со стороны можно было подумать, что дѣло идетъ о судьбахъ цѣлаго населенія, о чьей-нибудь жизни; наконецъ, писарь рѣшилъ перебраться горцевъ, подлежащихъ штрафу, съ середины.

По узенькому переулку, амѣившемуся вокругъ безпорядочно разбросанныхъ саклей, сборщики поднялись къ небольшой площадкѣ, на которой, у самой мечети съ круглымъ, суживающимся кверху минаретомъ, стояла жалкая, убогая сакля порваго должника Курбанъ-оглы. Самого его не было. Вышла жена его, голодная, истощенная женщина.

— Съ твоего мужа слѣдуютъ три рубля!

Та только широко раскрыла глаза.

— Спаси васъ Аллахъ!.. Да у моего Курбанъ-оглы и денегъ такихъ никогда не было!.. За что?.. Что онъ сдѣлалъ?

Мотивы своихъ рѣшеній окружные начальники не объявляютъ и оправданій пубакихъ не принимаютъ вовсе.

— Женщина, не говори лишняго!..

— Да сжалитесь-же надъ нами бѣдными, посмотрите, какъ мы живемъ!

Жили, дѣйствительно, ужасно. -

Сакля вся состояла изъ мазапаго глиной плотнаго гороба. Въ одномъ отдѣленіи его стоялъ волъ и корова, въ другомъ жилъ несчастный Курбанъ-оглы. На его женѣ были лохмотья. Голый ребенокъ, какой-то жалкій, напуганный, словно дикій звѣрокъ, выглядывалъ изъ-за дверей и поминутно прятался въ душную тьму своего жилья.

— Что тутъ время терять!—вступился пукеръ.—Гоните корову. Коли черезъ три дня не внесетъ штрафъ, продадимъ въ городѣ!

Несчастливая даже не протестовала. Она только опустила руки, какъ-то разомъ поникла и помертвѣла вся, точно все внутри у нея осѣло, упало. Пока голодную коровонку выгоняли изъ хлѣва, слезы медленно струились по этому заострѣвшему лицу. Только когда корову выпалили, она разомъ рванулась въ ней, схватила ее за шею и точно повисла на ней.

— Убить вы пасъ хотите? Что вопъ тѣ малютки ѣсть будутъ, они, вѣдь, только и живутъ молокомъ. Больше у пасъ ничего нѣтъ... Маци, Ахмедъ!..

Изъ сакли робко показался мальчуганъ, за нимъ едва переступала на маленькихъ ножонкахъ крошечная дѣвочка.

— У пасъ корову отнять хотите...—рыдала мать.—За одно и ихъ схороните, все равно съ голоду умрутъ!

Магома по привычкѣ, совершенно безсознательно, досталъ изъ кармана лабъ-лабы и протянулъ горсть мальчику. А на лицѣ сохранялось все то-же начальственное выраженіе, и сумрачныя очи такъ-же грозно смотрѣли изъ подъ-сѣдыхъ, нависшихъ бровей.

— Вола можно взять!—закнулся пукеръ.

— Волъ не ся. Волъ братницъ!—замѣтилъ аульпый крикувъ.

— Не хорошо!..—вдругъ вырвалось у Магомада.

Всѣ въ изумленіи оглянулись на него.

— Не хорошо!.. Въ самомъ дѣлѣ умрутъ... Ишь какіе маленькіе!

И жилистая рука легла на голову крохотной дѣвочки. Та даже присѣла отъ этой ласки.

— Намъ разсуждать нельзя, — объяснилъ пукеръ, — мы посланы... велѣно...

— Что такое говорите вы тамъ!—разгорячился Магома.—Кто васъ послалъ? Грабить хотите вы, что-ли? У бѣдныхъ дѣтей кормилницу отнимаете. Что они виноваты!

въ томъ, что отецъ ихъ Юсупу дерзость сказать? Вино-
вата она, что-ли?

И Магомадъ подхватилъ дѣвочку, поднесъ ее къ са-
мому носу ни въ чемъ неповиннаго и до сихъ поръ мол-
чавшаго аульнаго крикуна — парня необычайно глупаго
вида. Букашка въ сильныхъ рукахъ Магомы расбрехала.

— Что-же, ты за псе заплатишь, что-ли? — насмѣшливо
спросилъ нуверъ.

— И заплачу. Гони корову назадъ!

— Плати, если богатъ!

Но роли благодѣтельнаго Провидѣнія Магомадъ не могъ
выдержать до конца. Точно желая ослабить впечатлѣнiе,
онъ разорался на бѣдную женщину. Та, впрочемъ, обра-
довалась и стала передъ нимъ, опустила голову, но уже съ
просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Чого ты тутъ! — кричалъ Магомадъ. — Что ты за хо-
вайка... Дѣти голыя... Не бьетъ тебя мужъ, вѣрно!... Нишь
ты, тоже плакать умѣеть.. Приводи дѣтей вечеромъ —
плате въ дамъ да хлѣба вею своей Заза отсыпать вамъ!

И онъ опять заоралъ и затопалъ погами.

Оказалось, что трагическiй злодѣй является постоянно
плательщикомъ за свой обѣднѣвшiй аулъ. Всѣ ему должны.
Недостача хлѣба, другая какая необходимость — сейчасъ
къ Магомѣ, и онъ, сохраняя то-же суровое выраженiе
лица, поможетъ въ дѣйствительной нуждѣ. Да не такъ
поможетъ, какъ помогаетъ, напримѣръ, нашъ деревенскiй
мироѣдъ, заставляя должника работать на себя, итти къ
себѣ въ кабалу. Итъ, Магомадъ немно давалъ тѣтъ,
чтобы правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Вотъ вамъ и трагическiй злодѣй Магомадъ-огам!

II.

Кай-булагская щель. — Фел духана. — Ваба-яга —
костяная нога.

Горный пейзажъ какъ-то разомъ померкъ. Стало все
сумрачно, даже, пожалуй, грозно.